

Но таким образом, казалось, он просто использовал Шан Мяочань как щит. На самом деле, изначально он просто хотел немного облегчить их общее положение.

Лу Шэн сказал, что её семья хотела отдать её в наложницы к старику. Тогда быть императрицей было бы лучше, но перед этим им нужно было обсудить, как они будут жить дальше, чтобы оба были согласны и чувствовали себя комфортно.

Он представлял себе максимальную независимость друг от друга. Если Шан Мяочань согласится на такой брак по расчёту, всё будет хорошо.

Но вдруг у неё есть другой возлюбленный... Чжу Линсы почувствовал холодный пот. Если у Шан Мяочань есть кто-то, а он её силой забрал, это было бы большим грехом.

Он спросил Лу Шэна, и тот широко раскрыл глаза:

— Ваше Величество, я уже проверил её прошлое. Если бы она была недостойной, разве я позволил бы ей приблизиться к вам?

Чжу Линсы вздохнул с облегчением.

Он избавился от одной заботы и почувствовал себя легче, но ночью, перед сном, снова начал думать: что, если Се Цзин узнает, что он женится?

Возможно, он вообще ничего не почувствует.

Эта мысль снова вызвала у него чувство тяжести. Осознавая, что он тратит время на бесполезные размышления, Чжу Линсы лишь горько усмехнулся.

На следующий день на заседании он с нетерпением ждал, как продвигается подготовка к свадьбе. Когда чиновники закончили доклады и заседание завершилось, Сюй Чэн подошёл к нему.

Чжу Линсы, видя, что тому трудно идти, поспешил поддержать его.

Пань Бинь, идущий сзади, сказал:

— Министр Сюй и мы, представители шести министерств и девяти палат, просим Ваше Величество отменить своё решение.

Чжу Линсы был крайне удивлён.

Изначально Сюй Чэн и другие планировали мягко обсудить этот вопрос, но, по неизвестной причине, новость о том, что император хочет сделать Шан Мяочань императрицей, за одну ночь разнеслась по всей столице.

Сюй Чэн и другие были непреклонны: нужно выбрать другую. Они великодушно предложили, что Шан Мяочань может остаться во дворце.

В конце концов, согласие императора на брак уже было большой победой, и теперь оставалось только решить вопрос с кандидатурой. Они были уверены, что всё быстро уладится.

Чжу Линсы чувствовал, что сходит с ума.

Его мечты о спокойной и размеренной семейной жизни были безжалостно разрушены. А раз

он открыл эту тему, Сюй Чэн и Министерство ритуалов решили, что он согласился на брак, и теперь они сами выберут кандидатуру.

Это было удушающе.

Лу Шэн давно знал, что чиновники презирают Шан Мяочань, но он также знал, что знатная девушка, которую они предложат, совсем не подходит.

Император был мягким человеком, всегда уступающим в спорах. Если бы ему дали своенравную жену, это привело бы к проблемам как при дворе, так и за его пределами.

Неважно, как всё выглядит сейчас. Со временем любой, у кого есть хоть немного власти, начнёт диктовать свои условия, как, например, Се Цзин.

Только эта девушка из семьи Шан, не имеющая никакой поддержки, была подходящей.

Поэтому он подбадривал императора, чтобы тот не сдавался под давлением министров. Чжу Линсы, опустив голову на стол, устало сказал:

— Может, просто выберем другую.

Он чувствовал себя как приговорённый к казни.

Лу Шэн был в ужасе:

— Ваше Величество, если вы сейчас откажетесь, она действительно погибнет.

Шан Мяочань вернулась домой, и первые несколько дней весь город говорил, что она станет наложницей. Никогда не известный ранее дом семьи Шан был полон гостей.

Её мать стала говорить громче, а младшая сестра, хотя и завидовала, понимала, что теперь нельзя обижать сводную сестру. Зять, сопровождая вторую сестру, вернулся в дом и на глазах у всех дал себе пощёчину.

Через десять дней ситуация полностью изменилась. Новости были, но указа не было. Хозяйка дома ещё могла сдерживаться, но младшая сестра сказала, что подрежет ей волосы и поцарапает лицо, чтобы та больше не мечтала. Мать попыталась отобрать ножницы и поранила руку.

Только старик, который хотел на ней жениться, поспешил прийти и потребовал, чтобы она поторопилась. Ходили слухи, что раз император обратил на неё внимание, он, конечно, хотел бы попробовать.

Она прижала к своей тонкой шее заколку, готовясь вонзить её. Мать всегда говорила, что нужно терпеть, но, глядя на неё и своих сестёр, она понимала, что терпеть уже нет смысла.

Она закрыла глаза и уже собиралась надавить...

Кто-то ворвался в комнату, голос дрожал от радости:

— Мяочань, пришёл указ!

Сюй Чэн был категорически против. Император сначала немного сомневался, но потом вдруг стал непреклонен, даже когда снова потерял голос, он не сдавался.

В отчаянии он написал письмо Се Цзину, который уже был в Шу, далеко в горах. Письмо шло туда и обратно больше месяца, хотя Се Цзин ответил сразу, не откладывая.

Ситуацию в столице ему описал Чжоу Чжэнь, и Се Цзин уже слышал о ней. Мысль о том, что император, в его отсутствие, быстро нашёл себе возлюбленную, вызвала в нём чувство грусти.

В письме Сюй Чэну он написал: «С момента восшествия на престол император всегда был скован обстоятельствами. Его трудности и страдания мы видим своими глазами. Он никогда ничего не просил для себя, а теперь настаивает на своём, значит, это действительно важно для него. Мы должны его поддержать».

Что касается правил и формальностей, пусть Пань Бинь разберётся, ведь это он настаивал, и никто не должен отнимать у него эту заслугу».

Сюй Чэн, прочитав письмо, долго молчал, а затем сказал:

— Пусть будет по воле императора.

Свадьбу назначили на март следующего года. Вскоре после этого пришло известие из Фуцзяня о смерти Цао Цзюньши. Чжу Линсы был глубоко опечален и издал указ о награждении его за заслуги, утешив его семью, а также назначил Цао Фэна на должность отца.

Жаль только, что он не дожил до того дня, когда его пушки помогут победить Бэйсян.

Чжу Синьюэ, узнав об этом, забыв о прошлых размолвках, сразу же написала Цао Фэну, чтобы утешить его. Вскоре он ответил, сказав, что он, его мать и сестра в порядке, пушки переданы императору, и отец ушёл с миром.

Чжу Синьюэ снова написала ему, задав вопрос о технической проблеме, с которой он столкнулся при создании машины. Цао Фэн ответил подробно, и между ними завязалась оживлённая переписка, часто они писали друг другу, не дожидаясь ответа.

Чжу Линсы думал, что они с Чжу Синьюэ находятся в одном лагере разочарованных в любви, но теперь этот союз распался.

В марте следующего года свадьба вошла в завершающую стадию. Хотя график был немного сжат, Пань Бинь считал, что лучше поторопиться, чтобы всё успокоить.

Наконец, когда все ушли, и даже Лу Шэн удалился, в восточном зале Дворца Куньнин остались только Чжу Линсы и его императрица. Пара свадебных свечей, украшенных драконом и фениксом, горела ярче, чем сами хозяева. Чжу Линсы улыбнулся Шан Мяочань:

— Уже поздно, императрица, пора отдохнуть.

С этими словами он лёг на соседний диван, подготовленный Лу Шэном. Всё-таки в день свадьбы было бы неправильно не остаться здесь.

Шан Мяочань была удивлена, но Лу Шэн предупредил её, что она должна слушаться императора, и она укрылась в подаренном из Цзяннань покрывале с изображением ста детей.

Чжу Линсы, привыкший к своей кровати, долго не мог заснуть на новом месте. Боясь разбудить Шан Мяочань, он старался не шевелиться. Прошло много времени, и он уже начал дремать, как вдруг почувствовал, как чья-то рука легонько коснулась его щеки...

— Се... — только успел он произнести, как проснулся и оттолкнул человека, который упал на пол.

Лу Шэн ворвался в комнату:

— Ваше Величество, что случилось?

Увидев дрожащую Шан Мяочань на полу, Чжу Линсы спокойно сказал:

— Всё в порядке, выйди.

Перед тем как уйти, Лу Шэн бросил на Шан Мяочань сердитый взгляд.

Чжу Линсы подошёл к ней, помог подняться и, слегка похлопав по руке, сказал:

— Не бойся.

Он снова лёг на диван, но сон больше не шёл.

Отец императрицы был возведён в ранг южного маркиза, а её брат назначен заместителем командующего городской охраной. По сравнению с поддержанием порядка в столице, старший брат Шан скорее мешал, чем помогал. Это была синекура, предназначенная для обеспечения соответствующего статуса. Вся семья была в восторге.

Когда Лу Шэн вошёл в дом Шан, его чуть не вознесли на пьедестал. Семья поднесла ему золотые слитки, но Лу-гунгун даже не взглянул на них, велел юному евнуху принять их. Его взгляд был спокоен, и он не обращал внимания на блеск золота.

Отец и брат Шан Мяочань попросили Лу Шэна присматривать за ней, опасаясь, что другие девушки, которые войдут во дворец, отнимут её расположение. Лу Шэн усмехнулся:

<http://bllate.org/book/16200/1454207>